

Натаалья Нецкая

Меняю БРЕД на БРЕНД

Наталья Нецкая

Меняю бред на бренд

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8909112
Меняю бред на бренд: Издать Книгу; Москва; 2015

Аннотация

Книга о любви и ненависти, о тщеславии и гордости, об амбициях, которые не дают спать по ночам, об одиночестве и выборе, о том, как стать личностью и, возможно, создать свой личный бренд из собственных бредовых идей и мыслей.

Содержание

Пролог	4
Цена Успеха	6
Снегурочка	14
Ветряная Звезда	23
Ботаник	30
Писатель, или История О	53
Часть первая	53
Часть вторая	67
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Наталья Нецкая

Меняю бред на бренд

Пролог

– Я устал. Ты мало работаешь, я теряю надежду. Я причиняю тебе зло, помогая тебе. Ты – смесь амбиций и неверия в себя! Я не дам тебе рыбу, я только хочу, чтобы ты научилась её ловить!

– А ничего, что я девочка? Ну или хотя бы женщина?

– Для меня все равны. Никто не слабее, никто не сильнее. Просто женщины для нас, мужчин, как бы иные, чужие, что ли... Фильм видела такой?

– Да уж, для тебя точно чужие! Ни фига себе – «равны». Он, в уважаемом возрасте, крупный бизнесмен, и я, девочка с такими средствами, которых хватает только на существование, а не на жизнь. Как хочешь, так и делай бренд!

«Чёрный квадрат» Малевича видела?

Ну и что?

«Чёрный квадрат» из бреда превратился в бренд. Мировой бренд!

Там своя философия...

Какая?

Ну да... Наверное, как из своего бреда сделать бренд.

Посмотри везде, что такое бренд.

Я посмотрела.

«Бренд – это не вещь, продукт, компания или организация. Бренды не существуют в реальном мире – это ментальные конструкции. Бренд лучше всего описать как сумму всего опыта человека, его восприятие вещи, продукта, компании или организации. Бренды существуют в виде сознания или конкретных людей, или общества» (James R. Gregory, из книги «Leveraging the Corporate Brand»).

«Слово „бренд“ произошло от древнескандинавского „brant“, которое переводится как „жесть“, „огонь“. Так называлось тавро, которым владельцы скота помечали своих животных» (Kevin Lane Keller, из книги «Strategic Brand Management»).

Прочитала.

– Значит, «жесть»? Везде искать чужие бренды и ярлыки, творя свой образ?

– Паші. Удачи, – сказал он и скрылся в темноте подъезда, оставив шлейф запаха «Givenchy», «Hennessy» и какого-то ада или рая. Я ещё не поняла.

Цена Успеха

Сегодня утром мне пришло сообщение: «Юля умерла». Не сразу в голове отразилась личность той, которой уже нет в наших списках живых. Юль я знала много, но почему-то откладывала в памяти именно эту девочку. Наконец понимаю: Юля – именно ТА. Та Юля, чьи глаза меня пугали в последнее время, но я старалась об этом не думать. Не навязывать своё мнение и не лезть человеку в душу.

С Юлей я познакомилась в баре у кинотеатра, она работала там кем-то вроде бармена, администратора. Маленькая, смешная, пухлая девчонка. Всё время смеялась абсолютно ровными белыми зубами. В ней были огонь, искренность, наивность, простота и какая-то чистота. Меня познакомили с ней специально, сказав, что я чем-то похожа на неё Да... Может быть. Но это было раньше. Теперь я становлюсь всё более циничной, сложной и закрытой. И огонь мой горит только по заказу, только когда надо, экономя на всём остальном.

Юлька сразу уселась мне на коленки и стала что-то бесконечно рассказывать. Про свою любовь – моряка, простого бедного парня, который уходил в моря. Юлька его терпеливо ждала, а потом покупала ему букеты роз и даже делала предложение руки и сердца. Сама. Как он относился к Юльке, я не знаю, да и Юльке это было не особо важно. Она просто любила его до дрожи в коленках. Однажды, после ссоры с

ним, она даже порезала вены. Её спасли.

Следующая встреча с Юлькой была смешная. Она пришла ко мне в гости с фаршем и пакетом сока. Я её не поняла. А она сказала, что в гости идти с пустыми руками не принято, вот и выгребла, что было у неё в холодильнике. Юльке я нравилась, уж не знаю чем. Она говорила, что я очень красивая, и делилась со мной своей мечтой стать стриптизёршей. Я смотрела на Юльку и как-то слабо представляла её у шеста. Слишком она была «девочкой», маленькой и наивной.

В следующие мои прилёты Юлька уже танцевала мне стриптизы. И была великолепно. Грациозна, пластична и очень красива. Но мешал лишний вес.

А когда я прилетела ещё через несколько месяцев, увидела Юльку худенькую, как тростинка... И безумно сексуальную. Я радовалась за неё, у неё всё получилось! Юлька стала грести деньги лопатой, её популярность стремительно росла.

Она мне писала:

– Привет! Вот, наконец, и сбылось то, о чём я мечтала. Я рассталась с ним, работаю в клубе стриптизёршей! Рублю капусту. Ты как? Вообще тебя очень жду. Когда приедешь к нам?

– Привет. Рассталась прям навсегда-навсегда? К вам – теперь не знаю когда. Это вы уже, наверное, катите! Капуста – это хорошо! Всегда хорошо. Мужики приходят и уходят, а капуста – всегда желанная и любимая!

– Да! Навсегда-навсегда! 12 сентября вещи ему собрала.

Правда, целый месяц меня доставал. Понял, наверное... Даже портрет мне мой подарил! А мне уже пофиг!

– А что за портрет? Где взял? И с кем ты сейчас мутишь?

– С моей фотографии заказал! Я мучу со всеми понемножку. Работа такая, а вообще в клубе с парнем познакомилась: 32 года, юрист, преподаёт в университете. Говорит, чтобы я туда шла учиться, поможет!

– Учиться надо, конечно, но сильно по поводу помощи не верь! Помогают до тех пор, пока интересна, а потом – всё сама! Как у тебя с весом? Всё такая же худенькая?

– Ну да, колышется плюс-минус 2 килограмма, работа же подвижная, тренировки постоянно!

– Клёво!!! Классная ты, я посмотрела твои новые фотки, ты очень худенькая! Очень секси! Молодец!

– Стараюсь! Прошла неделя. Юлька снова написала:

– Привет! Как дела? Что у тебя за запах? Я тебя всегда хотела спросить! Дорогой? Кстати, как тебе моя тату? Я шрам спрятала под ней от суицида! Да и вообще по поводу шрамов уже не заморачиваюсь! Кому надо – и такой полюбят!

Конечно, полюбят! Тату мне видно плохо. Что там?

Волк! Одинокая волчица!

– А ты где работать и где жить в Москве собираешься, волчица? – Работать в клубе, а жить – первую неделю у брата знакомого, но ещё побаиваюсь!

– Какой клуб? Название? С кем едешь? И кто туда звал?

Понятно, что побаиваешься.

– «Шоу гёлс», подруга там уже работала.

– Вроде известное название, главное, чтобы не обманули, тут наё...ки везде и во всём. А девочка с тобой надёжная? И вообще, на сколько едете?

– Да, надёжная, она моя подруга. А от неизвестности действительно страшно!

– Девочка моя, сильно не бойся! Думай только головой! Если что, тебя одну на лежанку положим, не сомневайся! У нас тут не хоромы, но не помрёшь. Если у тебя будет папа, помогу!

Спасибо!!!

Милая Юлька, я всегда на связи!

– Спасибо огромное!!! Я, кстати, в декабре заняла первое место по количеству приватов – 192,5 тысячи. Половина мне! Плюс чай... В общем, почти 200 тысяч заработала за декабрь. Если бы ты знала, чего мне это стоило! Я научилась очень хорошо прогибаться под людей.

– Прогибаться – это как?

– Подстраиваться под них... Уметь слушать нытьё, быть мамой или дочкой, весёлой или серьёзной... Терпеть лошков или уродов, старых и жирных... Разные ведь приходят... Со всеми находить общий язык... Надоело... Бее...

Секс с ними тоже нужен?

НЕТ, слава богу!

– Ну, тогда обычное дело, я этим занимаюсь всю жизнь...

Фигню всякую слушаю с влюблёнными глазами, а саму тошнит. Я ж психоаналитик.

Я знаю...

Когда вылетаешь?

Не знаю ещё...

Я занималась своими делами в Москве, настойчиво пытаюсь найти в себе хоть малейшие признаки своего бренда. Но пока получались лишь бредни. А Юлька танцевала в провинциальном городке и снова мне писала:

– Привет!!! Как дела? Я себе татуаж глаз сделала! И перекрасилась обратно в тёмно-русый! Ты как?

– Привет! А, татуаж века, что ли?

– Ага, под ресницами. Ещё губам надо бы добавить объёма, но не хочу гелем накачивать!

– Гелем давно никто не качает. Гиалуроновая кислота сейчас для этого есть. Кое-как выговорила, и то неправильно написала. Не попортить только себе харю всем этим, потому что и так красивая, а можешь хуже сделать... Хотя говорить бесполезно, по себе знаю. Веки вообще не всем идут. Когда покажешь? Гиалуроновая кислота делается на 6–12 месяцев, потом губы становятся прежними... Я делала, мне понравилось, но быстро прошло, заново делать надо. Но только не где попало, потому что это твоя морда, и риск не нужен.

– Я не хочу накачивать, это дорого и неестественно... А татуаж хочу натурального цвета, чтобы контур был чётче и

губки попухлее! А татуаж глаз на фотках не видно, он забит в ресницы, просто глаза выразительнее, как у чурок! Понятно? Так что от естественности не отхожу! Правда, хочу соски накачать, чтоб стояли, а то вовнутрь всегда!

Ааа... Не трогай что попало! Но это же не сексуально!

– Хорошие у тебя титьки!!! А торчащие соски, как у сучки, это сексуально? Мне лично не нравятся торчащие. Естественные – когда хотят, торчат, когда не хотят, не торчат!

– Торчат, только когда замёрзнут, а мужики думают, что я не возбуждаюсь...

– Мужики какие-то у вас странные и неуверенные в себе, тут даже в голову такая херня не приходит. В Москве мужики пашут, а не возбуждаемость сосков обсуждают! Стоять должно что-то другое!

Юля присылала мне свои фото и каждый раз спрашивала: «Ну как, а теперь я похожа на тебя? Я хочу быть, как ты! Смотри, ну похожа же???»

Юля умерла. Я подбегаю к компьютеру, там горит окно... Он-лайн. Её окно!

– Горит твоё окно, а говорят, что тебя уже нет. Кто там???

Нет ответа. Юлька на днях приехала с моря загорелая и счастливая. Привезла, как сорока, кучу бриллиантов и золота. Разорила поклонников. Вошла в красивую квартиру, посмотрела расписание своих звёздных танцев. Она же прима, самая высокооплачиваемая. Написала в статусе: «ПО-

НАСТОЯЩЕМУ УСПЕШНЫМИ СТАНОВЯТСЯ ТОЛЬКО ЭГОИСТЫ, ПОТОМУ ЧТО ОНИ НЕ ОТВЛЕКАЮТСЯ НА ВСЯКИЕ ГЛУПОСТИ ТИПА ЛЮБВИ И ДРУЖБЫ».

И... отравилась. Вот так Юленька оставила меня одну, ту, на которую она так хотела походить.

– Ломо! – пишу я своему брендовому любовнику. – Где ты? У меня беда. Беда. Юля... Юля!

Да, беда. Беда. Как тяжело, когда уходят молодые.

Можно, я к тебе прилечу?

Можно, лети!

Спасибо!

Я тону в океане любви, Волны плещутся через край.

Кто-то крикнет: «Давай, плыви, Потихонечку выплывай!»

Но ему я в ответ кричу: «Ты не сможешь меня понять!

Я в любви утонуть хочу, И не надо меня спасать...»

Ирина Аллегрова, «Океан любви»

Квартира двухэтажная, в зелёных тонах. Я, причёсанная и аккуратная, как примерная школьница, сижу перед ним за круглым столом.

Он говорит:

– Ну, давай уже, наври мне что-нибудь. Только давай не грустное, а то я расклеюсь, а у меня ещё много работы.

– А что врать-то? – смущаюсь я.

Передо мной его любимый «Хенесси», красные помидоры и он, престарелый любимый Лопух. После рюмки начинаю свою исповедь. Рассказываю о последних событиях, прямо как Шахерезада...

Снегурочка

...Снег лежал на лапах деревьев волшебным покрывалом. Он играл, переливался огоньками на солнце, и по нему шли мы, волшебные персонажи, Дед Мороз и Снегурочка. Уставшие и счастливые. Сегодня, 1 января 20xx года, был наш последний заказ. Завтра мы будем уже никому не нужны. Дед Мороз слегка пошатывался в своих праздничных валенках, держа в руках ненавистный посох – свой главный рабочий атрибут. Мы болтали и переживали снова и снова эмоции нашей 20-дневной «совместной» жизни. Вспоминали, как вчера, 31 декабря, в пух и прах разругались, а перед этим Мороз сказал, что уж слишком гладко всё у нас, прям душа в душу работаем. Вот и накаркал!

А дело было так: вчера, ровно в двенадцать часов ночи – самое дорогое время для людей и самый высокий тариф для артистов, – нас заказала семья олигарха. Отбирали долго, даже зубы смотрели, как у коней. Правда, забыли проверить нашу голову, а зря. И вот без пятнадцати двенадцать мы ввалились в квартиру недалеко от Кремля, красивые, но нетрезвые. Еле державшегося на ногах Деда Мороза усадили во главу стола, меня рядом. Заказчик мероприятия отметил, что Снегурочка нынче что надо, и скользнул взглядом по груди, тщательно упакованной под шубой. За столом сидели чинно и благородно самые близкие люди: муж-олигарх

– стареющий, лысоватый, полный мужчина, наглый, хамоватый, но уверенный в себе и своих мегавозможностях; жена – молодая, но выдавшая многое на своём нелёгком пути во время погони за счастьем; длинноногая модель с чуть помятым лицом, только что качнувшая грудь. От неё разлило свежеприобрётенными пафосом и тоской. Толстосумик, видимо, был не из самых добрых гномиков на свете.

Далее сидела «княгиня» – мать толстосумика, надевшая на себя всё лучшее сразу, – и с надменным видом смотрела на нас. В её глазах читалась насмешка над тем, что мы, неудачники, скачем вокруг ёлки в самый Новый год. Работаем, когда все едят салат оливье и загадывают желания. Спасибо олигарху, который выдал нам по листочку и ручке, чтобы мы тоже написали себе пожелания на Новый год и, после сожжения, выпили их с шампанским. Я не знаю, что загадал себе Дед Мороз, но я заказала себе стать счастливой в этом году. Олигарх подходил к каждому из гостей и сам ложкой угощал чёрной икрой из блестящего ведёрка. Он сам тащился от этого «священнодействия».

– Ну как, вкусно? – с удовольствием спрашивал он, заглядывая нам в глаза. Он ждал изумления и щенячьего восторга. Я ему не стала отказывать в этом, подыграла, поскольку работа моя такая:

– О... восхитительный вкус, я никогда её раньше не пробовала.

Враньё, конечно, но ему было приятно. «„Студентов“»

осчастливил», – думал он. И ничего, что Деду Морозу было далеко за 30, а мне уже давно не 17.

Когда пришёл черёд моему Морозу восхищаться, он вдруг сказал – как отрезал:

– А у нас на Сахалине в сто раз лучше икра. В воздухе повисло молчание.

– Ну что же, дорогие мои, пора вручать подарочки. Тащи, Дед Мороз, свой мешок.

В мешке нашлись ключи от «Бентли» для жены, путёвки в Мексику на всех и детская косметика для девочек. Скажу честно, я немного была удивлена, что богатые родители своим детям дарят недорогие подарочки, без затей, а бедные – наоборот. Покупают на всю свою зарплату машину, корабли, домики – всё самое дорогое и интересное.

Я поймала себя на мысли, что, может, я завидую такой жизни. Да вроде нет. За границу сама летаю часто, а машину водить никогда не смогу.

Дети, получив подарки, вышли из-за стола. Они вообще как-то существовали сами по себе. Взрослые, видимо, заказали нас для себя, а не для них.

На все мои попытки уйти поиграть с детьми толстосумик говорил: «Не надо, посидите лучше с нами. Отдыхайте!»

Дед Мороз высказал мнение, что «Бентли» уже не модно, а Мексика – это вообще отстой. В придачу к сказанному начал оттягивать надоевшую хуже горькой редьки синтетическую бороду и расстёгивать красный халат Деда Мороза.

Что он творит? С отчаянием смотрю на него и умоляю глазами прекратить этот расслабон.

На моё счастье, меня спас всё тот же олигарх. Он сказал, что Новый год – праздник для всех, и Дед Мороз со Снегурочкой тоже должны идти в свой лес к своим семьям.

На пороге, показав на мать и жену взглядом, сказал: «Ну, вам, наверное, уже там насыпали сполна». И закрыл за нами дверь. Имелись в виду «нереальные чаевые». Странно, но никаких чаевых мы не увидели вообще. Видимо, тот, кто должен был «насыпать», про нас забыл или специально наказал. Мы, собственно, и не ждали ничего, просто нам сказали в агентстве, что такие люди дают очень много чаевых, тем более – в Новый год.

На улице шёл снег, я на чём свет стоит ругала Деда Мороза за то, что он не подыграл заказчикам, это непрофессионально. А пьяный Мороз в ответ сердился, плакал, сморкался прямо в свой костюм и говорил, что я его морально унижаю. И что он сейчас пойдёт домой пешком через всю Москву, потому что ехать на такси дорого. Тут мне позвонил товарищ и, зная мою новогоднюю деятельность, предложил нас увезти. Мне стоило огромного труда буквально затолкать сопротивлявшегося Мороза в машину и довезти его почти до дома. Но мой герой умудрился у своего дома получить тумачков за то, что послал на х...р счастливых подвыпивших людей на улице, которые окликнули его: «Эй, Дед Мороз, где наши подарки?» Потом мой интересный Мороз с ними же

пил до утра за Новый год и новую жизнь.

На работу утром он пришёл с подбитым глазом и с красным носом, как и положено. Только вот без пояса от халата. Я в жизни так не смеялась, как с ним, когда он судорожно пытался найти хоть что-то, чтобы подвязать свою тощую талию. Рассматривалось всё, от резинки от трусов до моих колготок. Наконец взгляд Мороза упал на мешок для подарков. Лихорадочно выдернув из него верёвочку, он подпоясался.

Хорошо, что заказчики сами были после новогодней ночи, и наш приход не рассматривался под микроскопом. Но перед детьми было немного неудобно. Но мы «жгли» из последних сил, старались не упасть в грязь лицом в прямом смысле. В последнее время я стала замечать, что мой Мороз смотрит не на детей и их родителей, а на меня. Как будто мне песенки поёт и стишки рассказывает. Может быть, показалось?..

Я засовываю руку в карман и вытаскиваю детские письма Деду Морозу. Читаю: «Дорогой Дедушка Мороз, пишет тебе Вика. Дела у меня хорошо, и учусь я хорошо. Я хочу попросить подарок. Надо набор пластилина, чтобы делать тортики».

Пластилин подарил? – спрашиваю я Мороза.

Да, подарил, – улыбается он.

Читаю следующее письмо: «Дорогой Дедушка Мороз! Пишет тебе Кирилл. Дела у меня хорошо. Учусь я хорошо. Я хочу попросить у тебя набор из трёх бакуганов».

А ты три бакугана нашёл?

Ага, нашёл... только два, правда, – смеётся Мороз. Вот что за родители? Все письма как под копирку. Пишет тебе тот-то и тот-то, дела, мол, хорошо, учусь хорошо, давай подарок, старый хрыч. Мы идём по парку. И вдруг Дед Мороз останавливается и вздыхает:

– Я буду по тебе скучать, наверное. Даже не ожидал, что со мной такое может случиться. Я же, как дурак, всю свою жизнь тебе рассказал, всякой дури о себе наболтал. О бабах о всех и даже... ну, эти... пакости всякие... интимные...

– Да... я в курсе... И ты мне даже, пьяный, предлагал бесплатный сеанс любви. Дед Мороз краснеет.

Ну, это я пошутил так... после твоего подарка.

Ах, значит, пошутил! – и я толкаю его в огромный сугроб.

А дело с подарком было так. 31 декабря мы с Морозом ещё и продавали мою норковую шубу, потому что Снегурочка зарабатывает мало, а запросы у неё большие. Вот и написала объявление: мол, продаю свою норковую шубейку. Людей звонило много, но все упорно хотели купить шубу в лучшем состоянии, чем моя. Я уже не рассчитывала её продать. И тут 31 декабря звонит девушка и умоляет привезти шубу к метро. Я говорю ей: «Понимаете, я Снегурочкой работаю, мне некогда». А она говорит: «Ну, пожалуйста, я мечтала именно о такой шубе». – «Но ведь она старая», – начинаю я уже отговаривать покупательницу. «Я знаю, что ста-

рая, продайте мне её!»

Мы с Морозом тащим заодно и шубу. Я смеюсь и говорю ему: «Говорят, под Новый год что ни пожелается, то всегда произойдёт, то всегда сбывается!» И шубу у нас действительно забирает счастливейшая покупательница, которая радостно бросается мне на шею. Бывает же так! Я теперь верю в новогодние приметы.

Я стою радостная, зажимаю в ладошке деньги: хватит прожить месяц безбедно.

А знаешь, о чём я мечтаю? – вдруг говорит Мороз.

О чём?

О плеере!

О каком?

О самом простом... просто музыку слушать...

Я потихонечку пишу сообщение подружке Саше: «Купи срочно плеер, упакуй его красиво и аккуратно передай его мне, чтобы Мороз не видел». Ровно в 12 часов ночи, под куранты, я засовываю Морозу в карман коробочку с плеером.

Он даже слезу пускает и раз пятьсот спрашивает: «Как?.. Ну, как догадалась?.. Ведь я же только сегодня сказал, и всё время мы работали с тобой вместе... Как ты его купила?» Наивные мужчины – это роскошь. Мне приятно – так дёшево осчастливить человека.

В какой-то момент мы останавливаемся посреди парка, недалеко от метро. Очень романтический момент: 1 января,

двое сказочных персонажей, молодость, красота, тела и души полны радостной сумасшедшей энергии. Я, как режиссёр, вижу поцелуй посреди такой красоты. Но... я же режиссёр... я по ту сторону рамп. Конечно, я чувствую внутренний призыв Мороза, но делаю вид, что не поняла.

Ну... пока? – смеюсь я привычным уже Снегурочкиным смехом.

Пока... – печально говорит Дед Мороз. Я тянусь к его щеке...

Но почему бы и нет? – перебивает мой рассказ Ломо.

Он – алкоголик.

Алкоголик... Плохо... Алкоголики нам не нужны.

– А я – почти алкоголик... Мы слишком одинаковые, – отвечаю я. – Меня такой бы не удержал. А вот ты...

– Ну а дальше? – спрашивает Ломо...

... А дальше... Вечером Мороз мне звонит и говорит, что забыл у меня рюкзак и что он ему ну очень нужен. Я отвечаю: «Ок. Заезжай, мы с подружкой дома».

Саня, моя подружка, смотрит в окно и кричит:

Смотри! Там Мороз твой кучу цветов прёт. Наверно, тебе! Да ладно... Чего это мне-то? Он за рюкзаком.

Я открываю дверь и вижу пьяного в стельку Деда Мороза в «штатском», с кучей красно-белых роз, в новых джинсах,

которые были явно коротковаты, с уже сломанной шириной, которую он отчаянно прикрывал одной рукой, и мешком, где что-то громыхало.

Он сидел в нашей коммуналке среди вёдер с принесёнными им цветами, прятал свои руки и ноги за малюсенький столик, нервничал и тихо-тихо приговаривал:

– А может, Дед Мороз влюбился... А может, Дед Мороз влюбился?..

Мне было страшно и неудобно смотреть в глаза этого влюблённого пьяного романтика. Я понимала, что это не моя судьба и что просто так использовать этого человека я не хочу. Потому что он милый.

Мы погрузили его в такси. А утром раздали охапки роз местным продавщицам, потому что мы улетали в Тай.

– К тебе, между прочим, Ломо, если ты не помнишь...

Ветряная Звезда

...Мы прилетели в Тай. Собирались выпить по чуть-чуть вина и рано лечь спать, чтобы свеженькими утром прийти к тебе на свидание. Но, как обычно, не рассчитали своих сил и нахрюкались.

– Утро, без пяти семь, – кричит Саня, неожиданно проснувшись.

– Ой, блин, мы ведь в семь должны быть там! А ещё столько бежать туда!

Хватаю первую попавшую под руки тряпку и натягиваю на себя. А ведь специально покупала для этого утра дорогой сарафанчик «Moschino», да какой тут «Moschino», если рожка подмочена!

Бежим. Саню, конечно, ломает бежать с утра, да ещё на чужое свидание.

Вон идёт твой Ломо... – говорит она.

Да ну, это не он!

Да он... – ворчит Саня.

И я бегу со всех ног навстречу тебе! Вовремя торможу, чтобы не обнять. А то бы твоя жена меня потом «обняла»... Встреча короткая, я помню только моё щенячье счастье, что я тебя нашла и что выбрала именно ту дорогу, по которой ты пошёл. Я непроходимая дура, но такая прикольная, что сама

от себя ташусь.

Следующие пять дней буквально пролетели! Мы с Сашкой шопились всяким тайским дерьмом и были счастливы, вваливаясь в отель как нагруженные волю. По утрам я видела тебя на море с женой, ты постоянно что-то ей рассказывал в ухо. Но шёл всегда немного позади, прямо как секьюрити. Она была красива, как всегда, выглядела просто супер для своего возраста. А я была счастлива, что ты всё равно маячишь рядом своим задом в трусах со звёздочками.

Деньги мы все «удачно» потратили, и вдруг я стала покрываться какой-то загадочной мерзкой сыпью. Причём она молниеносно распространялась по всему телу. Купили литр водки и стали мазать меня. Покрылась ещё больше. Наступила настоящая паника. Купили таблеток от аллергии. В итоге утром я даже не смогла открыть глаза, так вся морда отекала. Я была как из фильма ужасов просто! Всё это чесалось и взрывалось водяными пузырями, а температура была около 40! Тут у меня всю любовь-морковь отшибло напрочь. Вот, думаю, наказание мне за все грехи адские. Тут уже делать нечего, кроме как идти сдаваться в местный госпиталь.

Идти в больницу в чужой стране – это ещё полбеды, а вот помирать на чужбине – это вообще катастрофа. Больница внешне оказалась похожа на нереально красивый салон красоты. Тайки-медсёстры, одетые, как у нас проститутки для ролевых игр, сразу надели на меня намордник и повели к доктору, предварительно взяв у нас последние доллары. На-

ша страховка, оказалось, оплачивается потом, если ещё докажешь, что это страховой случай. Врач, красивый мужчина в золотых перстнях сразу аж на четырёх пальцах, улыбнулся белейшим фарфором и сказал:

– У вас чиккенпокс.

Да блин, какой чиккен и какой покс? Что он хочет сказать? Что это – птичий грипп?

Делать анализ?

Ну да, конечно!

Ну, тогда ещё 100 баксов надо за анализ.

Анализ показал, что это реально чиккенпокс. Позвали переводчицу, она перевела: чиккенпокс – это ветрянка. Маленькие говнюки заразили! Хорошие у Снегурочки получились каникулы, ничего не скажешь! Пять последующих дней были днями моей жизни в аду. Мне хотелось биться головой о стену оттого, что смертельно хотелось чесаться, да так, что душу отдашь кому угодно даром – только бы почесаться! До меня наконец-то дошло откровение, что внешность – это ничто! Сегодня она есть, а завтра её нет. Я раньше никогда не думала, что её вот так – раз, и может не быть! А сейчас я чудовище, гниющее заживо. Кому я на фиг нужна в таком виде?

Позвонил ты, посоветовал звонить в страховую компанию в Москве и в посольство. Нам сказали, что меня не выпустят из страны и все билеты и последующее проживание я буду оплачивать сама.

Первым делом мы позвонили в туристическое агентство, где покупали путёвки, агентство посочувствовало и посоветовало позвонить туроператору, чтобы поменял хотя бы билеты. Туроператор сказал, что моя болезнь – это моя сугубо личная проблема и менять мне билет он не намерен.

Страховая компания сказала, что, увы, эта болезнь не является страховым случаем и поэтому гребите как-нибудь сами. В консульстве и в посольстве посоветовали обратиться за финансовой помощью к родственникам и друзьям. Нужно было около 300 тысяч рублей. На ответ, что родственники и прочие не располагают такой суммой, было сказано, что наш российский президент не даёт денег на помощь россиянам, попавшим в беду в других странах. Для чего существует консульство и посольство, осталось загадкой.

Потом пришёл ты, я боялась, что ты заразишься, но ты не испугался. Сказал, что в вашей семье было восемь детей, и поэтому каждый этим переболел, заражая другого. Смотрел на меня, страшную, и мило улыбался. Боже, какие у тебя красивые ноги... Я даже помирать, видно, буду эстетом. Как можно в 60 лет иметь такие красивые ноги? Уму непостижимо. Ты сказал, что если я тут помру, то ты, так и быть, отправишь моё брэнное ветряное тело на родину, что ты – моя страховая компания.

Стало как-то легче на душе. Циничный Лопоух – это просто добрый фей... Люблю. Улыбаюсь...

Саня стала искать зелёнку. Вообще в Тае нет такого по-

нятия, как «зелёнка», а их лекарства для меня – мёртвому припарка. После дня поисков Саня всё-таки зелёнку добыла, намазала меня, как крокодила, с головы до пят и спокойно пила пиво перед телевизором. У неё-то отдых, как-никак. Я с ненавистью смотрела на её причмокивающую физию и гребла ногтями тело, за что она меня поругивала.

Кожу мы сожгли зелёнкой так, что болезнь реально прошла, но вот зелень... Доктор осмотрел меня и на английском языке сказал, что только русский может так рваться домой. Посмеялся, взглянув в наши «добрые» глаза, которые «убьют», если он нам не даст справку на самолёт, и подписал бумагу.

В аэропорту соотечественники брезгливо отворачивали свои загорелые морды от моей зелёной, а работники аэропорта десять раз спрашивали, не та ли я мадам с чиккенпоксом, и просили показать справку, что мне можно лететь. В общем, не могу, чтобы хоть как-то не зазвездеть!..

Ну, как тебе мои сказки, Ломо? Наврала как надо?

Ну так... Пойдёт. Давай теперь спать.

...Ты спишь, а я пишу про тебя, Ломо.

Счастливая ночь.

Он никогда не ночевал у меня. А сегодня задержался и даже как будто пошутил, что останется ночевать. Я не поверила, но потом увидела брюки на полке, практически под потолком, рубашку на полу и любовника, покомфортнее укла-

дывающегося на моём диване.

– А я это... не люблю, когда меня люди видят по утрам в натуральном виде. Даже любимые... – тихо проворчала я, но в ответ услышала лишь спокойный, набирающий высоту храп. Я сидела на пуфике в красивой дизайнерской квартире-студии, которую я сняла для свиданий с ним, видела через тонкие струйки шатра-балдахина спящего мужчину и ловила себя на мысли, что никогда не знала, как он спит, как он храпит, что я вообще его не знаю в быту. Это была новая мысль и новые ощущения. Как будто мы вместе, и теперь так будет всегда. Сегодня он поразил меня странным вопросом: «А я тебя устраиваю в сексе?»

Всё бы ничего. Если бы не прошло пять лет с момента нашей первой встречи. И что, все пять лет его это не интересовало? Или забывал спросить? Или он меня забыл? Последнее было бы больнее всего, потому что сейчас я встречалась с ним редко, поскольку жила очень далеко, за тысячи километров. Но я-то его помнила! Каждую минуту, проведённую с ним, каждое слово, сказанное мне.

Я задумалась и спокойно ответила: «Устраиваешь, иначе бы я не летала, как дура». В голосе послышалось лёгкое разочарование и обида на себя.

Он спал. А я пыталась пристроиться с диктофоном к его лицу. Потом передумала. Стало как-то предательски жалко. Человек, может, просто устал. А я тут со шпионскими штучками. Долго не могла найти себе место на диване, он лёг по-

перёк. Мне вообще нравится спать за спиной, я чувствую себя тогда защищённо, надёжно. Такое ощущение, что я маленькая гусеничка, которую возят на спине. Это тоже, видимо, что-то вроде своей религии.

К спинке продралась, притаилась, лежу, испытывая неземное блаженство. Вдруг меня отбрасывает лёгкая волна пружинистого воздуха. Кто-то... пукнул, и это не я. Мне смешно и уже не до сна. Он такой милый. Живой. Настоящий!.. И даже... храпит. До утра я просидела на пуфике, разглядывая мерцающие звёзды в окне. Там стояла одна из самых счастливых ночей в моей жизни...

Ломо встал, сказал мне, как обычно, «паши!» и ушёл. А я продолжаю писать про него и нашу историю. Навру, конечно, опять что-нибудь, но это же бредотворчество, а значит, имею право.

Ботаник

Он любил смотреть на часы, Она любила убивать время. Он любил спать по ночам, Она любила разглядывать сны. Он любил смотреть прямо. Она любила закрывать глаза. Он любил искать дорогу к цели, Она любила искать смысл в ней. Он любил танцевать под музыку, Она любила плакать под тишину. Он любил плавать в реке, Она любила плыть по течению. Он любил пить чай, Она любила бить кружки. Он любил идти вперёд, Она любила гулять по крышам. Он любил читать умные книги, Она любила писать глупые вещи. Он любил строить крышу, Она любила раскрашивать стены. У них была одна общая любовь: Она любила его, Он любил себя.

Прошло пять лет с тех пор, как я «сошла с ума» и была этому рада. Я творила: писала, рисовала, изобретала, и жизнь во мне бурлила радужными красками. Я была влюблена. Он был стар и несвободен, и мне откровенно это нравилось. Я не хотела семью и в то же время грешным делом подумывала, что стану его последней любовью. И вообще, он был такой «ботаник», неискушённый в любви, чистый, светлый, как солнечный зайчик на стене. Мне нравилось, что он именно такой.

Я доверяла ему безраздельно, а он хотел знать обо мне всё. Ему нравилось шутить, что он любит поковыряться в моей

душе, любит подсматривать за чужой жизнью. Мне всё это казалось милым, я с радостью предоставляла ему свою ранее никому особо не нужную душу. Я красива, умна, сексуальна, испорченна до мозга костей. Он – «ботаник», и этим всё сказано. Есть, правда, один нюанс: он – богатый «ботан», что ещё более привлекательно.

Сначала мы жили в одном городе, смотрели на одно небо, и одна и та же погода стояла в наших разных дворах. Он жил в самом сердце города, в элитном доме, я – на окраине, в съёмной страшной комнатке с соседкой за стенкой в придачу. Иногда мы с подружкой раскручивали этого «буржуя» на поездки в другие страны, к морю, и на прочие дорогие развлечения. Я никогда не копила «его» деньги, потому что не думала куда-то сбегать или прятать на чёрный день, чтобы купить себе приличную квартиру. Хотя, конечно, могла. Но я его любила, и мне казалось, что он меня тоже любит. Поэтому, когда его не было рядом, я не скучала, а тратила с подружками его «заныканные» от семьи «деньжищи».

Он был разный. Со мной и без меня. Его существовало как бы три в одном. Не смейтесь, это действительно было так! Одного звали Николай Петров (в жизни), другого – Водолей (это уже чисто для меня); и он же, третий, был продюсером-тираном Ломо.

Недавно мы с ним встретились в стране, которую оба очень любим. Естественно, что мы об этом с ним договорились заранее. Было прикольно наблюдать, как они с женой

ходят на море и с моря. Надо быть осторожнее, его жена уже, кажется, начинает примечать наши с подружкой наглые попы, лежащие на их пляже. Утром он обычно приходит ко мне в отель.

Этим утром я хотела ему «что-то» сказать, но не смогла. Зато написала письмо. Вот оно: «Не скрою, мне много раз говорили: „Я тебя люблю“. Я всегда, слушая это признание, стеснялась за произносивших его людей. Как можно сказать такое настолько легко? Это же так стыдно и опасно! Как будто признаться в своей слабости, в чём-то очень личном. Или как снять с себя всё оружие и сказать: „Делай со мной что хочешь! Я вся твоя!“ Да, я люблю, но я не вся твоя. Я твоя лишь до тех пор, пока буду видеть ответный резонанс в твоих глазах. Это совсем не означает, что так будет всегда и что я сложила своё оружие. Я люблю тебя, Водолей, Ломо и Николай Петров. Водолей может мочить трусы, типа был в бассейне, может бегать в другом направлении вместо стадиона, может пить со мной отстойный кофе в страшной сауне в семь часов утра. Ломо – стеснительный, обидчивый и настойчивый, как танк, если ему очень хочется что-то рассказать или получить свой кусок тепла и внимания. Может психовать, скуривать по полпачки сигарет за раз на спор, шариться у меня по комнате, рассматривая то, чем я живу. Он же разбрасывает свои вещи по моим временным „хибарам“. А Николай Петров – уверенный в себе, пафосный, аккуратный, правильный, стабильный, спокойный, уравновешенный семьянин. Я, конеч-

но, люблю больше Водолея, который живёт в тебе, но мы же не шизофреники. То есть я частично люблю и вторую часть тебя – Николая Петрова. Кто ты? Наверное, всё вместе, как чёрное и белое. В общем, я, кажется, люблю всех. Это я и хотела сказать в то утро, когда увидела твоё просунувшееся в мою отельную дверь долгожданное ухо.

Это была всего лишь эмоция, искра, но она была настоящей. И я её помню. Как жаль, что я так никогда и не смогу сказать это живьём, вслух, как все говорят. Наверно, потому, что слово это – действительно табу, и тут, наверно, я и буду отличаться от всех людей, живущих в этом мире.

Натали».

Утро...

Ломо сегодня возбуждённый и радостный. Принёс «медведей». Кажется, он проникся ими не по-детски. Мне радостно за ним наблюдать: как он их трогает, показывает мне. Они стеклянные, вернее, из горного хрусталя, сверкают на солнышке разными огоньками. Он говорит, что они типа греют друг друга. Что это типа он и я. Мне смешно видеть его таким сентиментальным, это так на него не похоже. Я привезла книжку, которую написала за время своего отсутствия в этом городе, он читает её, волнуется и много курит.

Пока он читает и занят, я набираю текст на компе своей подружке. Почему-то буквы сами пишутся... Как будто душа говорит: «Бойся того, кто милый, кто добрый, кто тобой любимый. Однажды он удавит тебя нежно...»

Что же мне делать с этой любовью?

Она же сожрёт меня.

Он такой смешной сидел в последнюю встречу... Курил, и пепел летел на его штаны. Он не видел этого и продолжал говорить о моей книге.

Запоем! С отчаянием! Как будто он – автор! Как будто моя книга – его ребёнок!

А я смотрела на него и пыталась поймать рукой эти пепелинки. Но они таяли от моих рук, просачиваясь сквозь мои пальцы, и мне казалось, что это самое главное дело всей моей жизни – поймать пепелинки от его сигареты в тот момент, когда он говорит о моём творении.

И я хотела в этот момент запомнить его. Мне казалось, что это самое прекрасное мгновение в нашем с ним романе.

Он был со мной нежен как никогда, в нём даже был проблеск какой-то эротики. Хи-хи... было бы прикольно и в 70 лет заняться с ним настоящим «порно». Но, чувствую, Ломо всё равно не раскрывается полностью, то ли я что-то не дожимаю, то ли он. Но, я надеюсь, у нас ещё есть несколько лет в запасе. Дожать. Хи-хи...

Он уходит. И мы занимаемся моей книгой по интернету. Ругаемся, миримся, он выносит мне мозг, я ругаюсь, плачу, целую монитор и снова ругаюсь. Потом маленькое затишье, и я получаю вот такое письмо, от которого, честно говоря, не просто в шоке, а в шоке-шоке: «Если хочешь возненавидеть меня до конца, то могу выслать фото твоего заместите-

ля...» – «Н-да... ну, шли». Присылает фото. На нём не очень молодая и совсем не гламурная девушка. Точнее, женщина. Обычная, недалёкая баба без затей. «Прости, но это не заменитель, это бред. Меня заменить практически невозможно или очень трудно, так что ненависти нет, – смеюсь, отвечаю я. – Но, как друг, обязана тебе сказать... Не стоит рядом с такой офигенной женой иметь такую стрёмную любовницу. Ну правда, не уважаешь себя, так хоть уважай жену. Найди кого-нибудь получше, я имею в виду любовницу. Ты достоин большего, чем обычной лохушки».

Тут получаю вообще неадекватный, как мне кажется, ответ: «Она очень правильная, ты не права... Это просто на вечеринке друзей... Хорошая мать... Разведена... Нормальная профессия... И показаться с ней среди друзей весьма лестно. А с тобой меня не поймут, и никто не поверит в чистоту отношений...»

Господи, что с ним? Какая правильность? На фига она ему нужна? Какие друзья? Он никогда не стал бы показывать никого и никому.

Я же знаю его пять лет. Да его ведь жена сразу убьёт. Она – женщина красивая и далеко не лёгкая.

А он продолжает: «Когда-то у нас с тобой была длительная ссора, я познакомился с ней... Она всё время поздравляет меня с праздниками... Хотя и не получает ответов, контактов нет. Ей 40. Фото специально посылаю нечёткое...»

Как он смеет! По нашему личному договору я не должна

знать такие подробности, да и зачем мне это знать, даже если это и так.

Отвечаю: «Это потому, что ты слепой, видимо, совсем. Ну, если тебе реально нравится, ради бога... Но эта девушка, конечно, мне в подмётки не годится. Ты снижаешь планку для себя, дорогой, заводя таких девушек. Обычная страшная плебейка, но, может, экзотика... Ну, это твоё право. Личное».

– Я считаю, что меня всё-таки любили... И очень благодарен за светлые дни моей жизни.

– Не льсти себе.

– Ну вот, ты уже забыла всё прошлое... Именно об этом я и говорю... Это и предвидел... Не дал сегодня конфетку, и бяка на всю жизнь, несмотря на прошлое... В этом мы отличаемся... Ты живёшь текущим моментом, а я – всей прожитой жизнью... Теперь точно крест на таком гаде, как я?

– Живи без креста.

Уф. Написала «живи без креста» и успокоилась. Но баба есть баба, не тут-то было! Снова стучу сообщение, руки бы сама себе оторвала за это. Где гордость-то? Спит моя гордость мёртвым сном.

Ты никто, и звать тебя НИКАК для меня отныне. Поэтому оставь свои нравоучения для кого-нибудь другого. Я не нуждаюсь в них. Соплей нет, ты умер для меня. А трупы мне не нужны. Как меня тошнит от твоей мнимой правиль-

ности... фу... Как я раньше этого не видела, дура! Обычный дед-блядун, который пытается запарить мозг, и ему это частично удаётся, молодым девкам, изначально, как маньяк, выбирая психов-одиночек, чтобы перевоспитать их. Заставить посмотреть на жизнь другими глазами.

Я полностью согласен с оценкой «старый блядун»... Я всегда так и считал, но немного надеялся в душе, что ты так не считаешь... Но я ничуть не сожалею о том, что было... Я благодарен тебе, хотя, как выяснилось, ты или всегда была неискренна, или очень быстро смогла изменить оценку прошлого... В благодарность за прошлое и веря в твой талант, остаюсь твоим доброжелателем. Ты же чувствовала, когда уехала в Москву, что я настроен всё закончить. Но я увидел, что у тебя пошло дело с литературой, и побоялся навредить этому, а теперь я понял, что ты уже встала на ноги, поверила в себя. Твоя последняя оценка меня полностью совпадает с моей и поэтому не обижает... УСПЕХОВ!!! Найди настоящую любовь!»

Я пишу: «Я действительно изменила оценку очень быстро, слава богу, есть такое свойство организма. Я не считала ранее Вас старым блядуном. Вы были особенным. Мне казалось, что это судьба. И очень нравился именно этот вариант отношений. Мне никогда не хотелось умереть с Вами вместе или подать Вам стакан воды перед уходом. Для этого была другая женщина, мною уважаемая за то, что она хранит Вас для меня, заботится о Вас, любит Вас. Мне нужна была толь-

ко Муза, а не Муж.

Мне нравилось в Вас всё, от лопоухих ушей до огромных рук и длинных ног. И глаза, смотрящие в разные стороны, мне тоже нравились. Было интересно наблюдать, какой именно глаз в данный момент смотрит на меня. Меня возбуждали тайна и невозможность быть вместе. Ради этого я могла помчаться на край света, чтобы хоть одним глазком наблюдать за Вами, пить вино под окном Вашего дома. Это было прикольно и радостно, тоскливо, прекрасно и чудно. Не скрою, что я люблю только богатых мужчин, потому что искренне считаю, что только богатый мужчина – умный и сексуальный. Ум и деньги – весьма сильный афродизиак для женщин. Чаще всего женщины пытаются это скрыть, я – нет. Я не большой любитель работать, и это тоже правда, но большой любитель тратить чужие деньги, причём помогая другим. Прямо как Джек Воробей. Забрал деньги у богатых и раздал бедным. Я вряд ли когда-нибудь полюблю простого или среднего мужчину. Только лучшее. Конечно, богатых мужчин вокруг много, но, увы, у них, кроме денег, нет достоинств. А у вас, мне казалось, они были.

Но САМОЕ ГЛАВНОЕ: мне казалось, что я тоже для Вас „избранная“, и это навсегда. Во всяком случае, пока каждый из милых „чекистов“ жив. Но Вы решили просто „убрать“ меня из мной и Вами придуманной сказки, по разным причинам:

Просто надоело, надо менять сучку, что, в принципе, по-

нятно. И такое может быть.

Вы решили сделать благородное дело, чтобы я, наконец, стала жить, как человек, встретила с хорошим парнем, нарожала ему кучу детей. Но Вы не спросили меня, подходит ли мне такая жизнь.

3. Вы просто сами стали мной болеть и скучать и не знали, что с этим делать.

Но способ, выбранный Вами для „убивания“ меня, был действительно самым мерзким. Вы решили поломать мой придуманный и непридуманный мир, где я живу и где всё вечно. Вы решили показать, что моё влияние – не на всю жизнь, и я даже далеко не королева, я просто девочка, которую можно заменить на другую. И не важно, что это неправда, и не важно, что Вы никогда не почувствуете и сотой доли того, что было со мной. Но сам факт, что меня можно „заменить“, меня убил. Поэтому „старый блядун“ – ярлык, но не самое смертельное оскорбление.

Ты меня обидел. Не хочу ничего делать. Объясняю более доступным языком. Ты отныне только Мешок денег без прав (если тебя это, конечно, устраивает). Но если ты захочешь воскресить Ломо, то это будет тебе дорого стоить.

Это я тебе и пыталась объяснить. Я никогда не сдам тебя твоей жене и не испорчу твою репутацию редкостного семьянина.

Сдавать, предавать – это не моя стезя.

А вот лично меня обидеть, как девушку, тебе удалось. Ты этого добивался. У тебя получилось. Так что не волнуйся. Всё ок. Удачи в личной жизни. Насчёт книги и спонсирования я сообщу, когда надо будет».

– «Но я не нарушал нашей договорённости в самом начале... я не нарушитель конвенции».

А я её нарушала???

Я однозначно понял, что есть желание сделать это...

– Потому что тупой и очкуешь... Прости, нет других слов. Только правда. Если бы я хотела, я бы сделала это уже сто раз. На фиг мне ничего от тебя не надо!

– Нормальные люди, если их слова могли быть поняты неправильно, просто говорят: «ИЗВИНИ, Я СОВСЕМ НЕ ИМЕЛА ЭТО В ВИДУ».

– Нормальные люди не думают всякую чушь о людях, с которыми ты был пять лет душа в душу. Понятно?

«Сделай мне новый почтовый адрес! Я удалил тот!» – печатает он. «Сейчас сделаю», – думаю я. И делаю!

– Сделала! Твой новый электронный адрес – «Какашка».

– «Какашка» – недопустимый адрес, согласен на подобный, но допустимый! Да... вместе с окончанием романа...

– Что ещё?

– Всё, ухожу... успехов... Сюда больше не пиши, уж лучше позвони, и я перезвоню.

– Что хочу, то и буду делать. Ты больше не имеешь права

голоса. А насчёт звонков, если ты внимательно читал роман, я никогда не звоню. Он написал: «Я у тебя прошу прощения, не хотел я оскорбленья. Простите, если это только можно».

– И что дальше-то? Смысл прощения в чём? Я – книжный раб, а ты – Ломо, любовник, тиран-спонсор-деспот, ты – Водолей-психопат, который сам не знает, чего хочет от жизни. Есть, наверное, другие варианты, а? Я не понимаю, за что ты просишь прощения. Ты вроде сказал правду. Твоя правда принята. Я тебя никогда не сдам. Всё? Что ещё надо от меня?

– Я хочу написать тебе правду о себе. То, чего ты не знала о своём мифическом Ломо-герое...

И он написал:

«Жена болела уже достаточно давно, и ей было не до меня. Я нашёл по объявлению девушку 28 лет, симпатичную, уточнил цену – 2000 рублей. Договорился о встрече. Опыт нулевой, даже инструкцию к резинке пришлось изучать. Мы с ней встретились, проговорили всё время. Она полукровка, татарка и русская, из Казахстана, есть образование, работы пока нет. В конце я спросил, сколько ей надо в месяц, чтобы убрала объявление. Сумма была скромной. Значит, бизнес не раскручен и интереса к нему нет. Мы договорились. Но иногда ей звонили, и она отходила и разговаривала. Я понимал, что это старые клиенты и что она встречается с ними. Но потом она мне сказала, что у неё новый номер. Я понял, что она завязала с прошлым, и стал давать ей прилич-

ные суммы. Но девушке постоянно звонил „брат“, и я понимал, что у неё есть молодой человек. Прошло полгода, она подкопила денег, и я стал чувствовать, что всё это ей не особенно надо.

Она говорила, что хотела бы съездить в Доминиканскую республику. Это дорого, и лететь очень долго, но она хотела туда. Поэтому на прощание я дал ей деньги на поездку. Как мне показалось, она была даже рада расставанию.

Потребность в хождении налево отпала. Но, как говорят, кто раз украл и не попался, будет продолжать воровать. Изучаю сайт. Девушка предлагает новогоднюю ночь за 100 000 рублей. Круто. Дождался 31.12. Написал: „Нашли?“ – „Нет“. Предложил встретиться. Принёс на встречу требуемую сумму, отдал. Спрашивает: „Когда?“ – „Не будем спешить“. Славная девушка, учится, мать одна, пьющая, есть сестра. Встречались и разговаривали несколько раз. Я понял, что не её это дело, просто припёрло. Сказал: „Мне не надо ничего“. Она: „Долг за мной... надумаешь – позвони“. Этим долгом я так и не воспользовался.

Окончание предыстории:

Алине я позвонил примерно через полгода, хотел узнать, как у неё дела. Мне была безразлична её судьба. Она взяла трубку и сразу отключила телефон. Я надеялся, что просто позвонил не вовремя, и она потом перезвонит. Она не перезвонила. Может быть, обиделась на меня. Она уже привыкла ко мне, и я чувствовал, что встречи со мной для неё –

нечто большее, чем работа. А я ей: „Извините, в ваших услугах больше не нуждаюсь“. А может, у неё и не было обиды на меня, просто с моим именем было связано то время жизни, когда обстоятельства заставили её продаваться, сначала в розницу, а потом оптом. Не знаю. Но слышать меня она не хотела.

Оксане я позвонил в начале весны, месяца через два. Она меня сразу узнала: „Привет, ты что, насчёт моего долга?“ Её интонация говорила о том, что речь идёт не об обязанности, а о чём-то совсем противоположном. К этому я был совсем не готов и не смог быстро выйти из принятого раньше образа Деда Мороза: „Нет, хотел просто узнать, как у тебя дела“. Мы проболтали минут десять. „Можно я позвоню ещё?“ – спросил я. „Конечно“, – ответила она. Но я больше позвонить как-то не решился».

И, наконец, его ИСТОРИЯ «нашей» Любви (мои комментарии в скобках): «Многое тебе известно. Я влип. Это была Ты – Натали. Поэтому только о некоторых деталях. Есть поговорка: „Что у трезвого на уме, у пьяного на языке“. Или можно по-другому: „Выведи человека из себя, и быстро узнаёшь о нём многое, многие барьеры в порыве не работают“. Правда, я на такие провокации уже редко поддаюсь... Стараюсь отшутиться или что-нибудь в этом роде... Например: „Ты что, дурак?“ – „Конечно, если был бы умным, разве стал бы с тобой разговаривать?“ – „Поиграй в мафию?“ – „Я сам

мафия...“.

Я искал приключения, которое бы не навредило ей, но постепенно всё переросло в нечто большее. (Оно сразу переросло, не постепенно, просто кто-то упорно делал вид, что ничего не произошло особенного.)

Её литературным поискам я не особенно верил, хотя что-то у неё было. Старался поддерживать. Но отсутствовало усердие и трудолюбие. (Его никогда не было и не будет, потому что я не трудоголик и очень боюсь сойти с ума.)

И тут она решила бросить меня и уехать в Москву, рассказывая подруге сказки о хорошей работе. (Я никого не бросала, я почувствовала, что мной не особо дорожат и что надо что-то делать... Я не из тех, кто будет сидеть и плакать оттого, что их не особо ценят и любят. Мне ничего не предложили взамен, меня никто не останавливал. А потом всё выставили так, как будто я сама бросила.)

Испугался, что безденежье толкнёт на плохое... Решил помочь учиться... Но по минимуму, чтобы не привыкла к хорошему... (Смешно, но даже обсуждать не буду.)

В середине учёбы я написал, что не буду помогать. Она отвечала: „Хорошо, хорошо...“ И мы продолжали изредка переписываться. Я мало помогал. Мы иногда встречались. Я старался особо не инициировать встречи... Её рассказы становились всё лучше и лучше, хотя для книги не хватало усердия... (Да, а мне просто хотелось Любви, и ради этого я даже готова была летать на край света. Мной пользовались, и

я пользовалась, а рассказы эти – так, для красоты истории. Приходилось писать, чтобы всё было чинно и благородно.)

И вот она вывалила мне кучу текста... Необработанного, но хорошего. (На, подавись, это весь мой недотрахоз, этот писанинный труд.)

Несколько раз мы ссорились из-за названия, мне не нравились её варианты, ей – мои. (А мне не нравилось, что он диктует мне, как называть, и вообще.)

Но в результате этих жарких споров я понял, что она хочет... И, когда мне попался один вариант, она согласилась. (Да, вынуждена признать, что это было лучшее название.)

Подобные споры и ссоры были и из-за обложки, но здесь приемлемый вариант нашла она. (Он говорил: „Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что...“ Это бесило всех.)

Мне очень хотелось быстрее закончить книгу. (Ага, и чтобы она отстала наконец.)

Я делал всё возможное (конечно, мне же это было выгодно) и даже немного перестарался в своём давлении на неё. Она стала увереннее в себе (а может, всегда и была, просто молчала, как овца), и если это меня раздражало при конкретных спорах, то радовало в целом... Она уже многому научилась, стала верить в себя (Без комментариев).

Есть две пословицы: „Скажи мне, кто твой друг, и я скажу кто ты“ и „Яблоко от яблони недалеко катится“... Из них следует, что, если ты кому-то говоришь плохое о близких людях, ты просто поливаешь грязью себя, так что сочувствия

вряд ли добьёшься. И самым неприятным для слушающего будешь... ты. Тебе она плохо говорит о других, значит, она так же плохо говорит им о тебе. О друзьях можно говорить только хорошее. А если ты в них разочаровался, то просто не дружи... Но даже критика бывшего друга принесёт тебе только вред... (Я безумно люблю близких своих людей и перегрызу глотку любому, и то, что я, бывает, на них ору и спорю с ними, совсем не говорит о нелюбви.)

Ты же знала, что я эгоист, который хочет выглядеть для самого себя приличным, и в жизни мною движут в основном любопытство, познание, не всегда хорошие опыты... Но на примере предыстории я пытался показать, что это я делал и тогда... Просит мало денег – не раскручен бизнес, сменила симку – отсекла прошлое. Да и с новогодней ночью любопытство было удовлетворено без...»

Эксперименты проводят на тех, кого не любят. Кого не жалко... Я тоже эксперимент? – задыхаюсь я у компьютера.

Давай отдохнём друг от друга... Я измучился, и ты тоже, как мне кажется, ок? Я просто привык иногда смотреть на себя как бы со стороны. Иногда этот тип мне тоже не нравится, и я пытаюсь что-то изменить в себе. Правда, обычно это плохо удаётся... Узнав свою оценку, я уже решил не маскироваться...

Изучай гада... как психолог... Может пригодиться.

Я не хочу его изучать. Он мне неинтересен. И я не хочу быть психологом. Если только за очень большие деньги. Я не

хочу иметь о тебе мнение ещё хуже, чем то, что я уже имею. Это очень неприятно и болезненно, потому что подтверждает лишь, КАКАЯ Я БЫЛА ДУРА!!! Совсем некстати... Раньше надо было рассказывать, а не строить из себя целку-невидимку, один раз загулявшего, очень благородного семьянина. Я гордо несла знамя «первооткрывателя» греха... А сейчас... всю картину мне испортил.

Мне уже терять нечего, и я решил рассказать всё... Как я докатился и как решил остановиться... Извини, если всё это некстати...

Я действительно наивно думала, что до меня было всё прилично, не надо мне знать ничего этого... Зачем оно мне???

Это твоё право, а я остаюсь твоим доброжелателем... И благодарен за то, что было... Прости за вред, нанесённый моими опытами.

У нас никогда не будет больше ничего общего. Я вообще давно молчу, если Вы не заметили. Так что мне всё равно, что вы будете делать. Я больше не Ваша любовница и даже не Ваш друг. Засуньте свои благодарности и опыты себе куда-нибудь. Мне они не нужны, такое не прощают. А захотите прощения, купите мне дом мечты с собаками и кошками, со всем, что я люблю... Но и тогда, слышите, даже тогда я не уверена, что прощу Вас искренне. Вообще, СПАСИБО за всё... Такую ДУШИЦУ во мне открыли, читаю и удивля-

уюсь сама себе... Так написано... Умереть просто, как трогательно... Что страшно – больше не найти такую МУЗУ... Наверное, и не найду больше... Это прям мой клад... Простите меня за всё... Сотворили мы вместе чудо... Родили... Вы хоть сами понимаете, что родили-то чудо?

Не переживай... Я всегда тебя буду любить за то, что вложил в меня свою душу... Просто переоценка ценностей у меня в голове... Это пройдёт... Я – хорошая, и ты – хороший... Я – белая, и ты – белый... Так не бывает. Или бывает, мой близнец-свинья. Просто ты мне никогда не признаешься, что скучаешь по мне... Это обидно.

Помогает хорошей девушке найти своё место в жизни... Действительно, смешно и не имеет даже частицы правды по отношению ко мне. Это был общий роман, а не помощь. А если ты считаешь, что «помощь», тогда я вынуждена считать это «работой», хоть это и не так. Слово «помощь» меня унижает. Прощай.

P. S. Единственное, чего мне жаль, это что я не услышала настоящих эмоций. Слов и так далее. Видимо, их просто у Вас и не было никогда. Я благодарна Вам за Музу... Спасибо. А за другое... Поживём – увидим.

Вы не узнали новую меня, а просто спровоцировали. Я даже сделала анализ того, что меня могло так вывести из себя:

1. Вырезали моего «ребёнка», мою книгу, беспощадно удаляя то, что не нравилось Вам, резко и без всяких обезбо-

ливающих. И заставили поскорее выйти из «образа». И вообще – заняться скорее «коммерциализацией» проекта, что так быстро на тот момент было невозможно... «Куй железо, пока горячо» – это не моё правило. Я – человек более тонкой душевной организации.

На 8 марта пришло от Вас очаровательное поздравление и уведомление, что знать меня не хотите. Но и этого Вам было мало. Вы придумываете акцию «Заместительницы». Ну, не жестоко ли? День хотя бы другой выбрали, что ли.

Спровоцировали всё, что угодно, но Вам и этого показалось мало... Вы решили убить образ Ломо раз и навсегда, что вообще уже было ударом под дых. И рассказали «правду». И ещё удивляетесь, что я другая стала? Или была?

Прожигание жизни. Да что ещё я могу добавить ко всему вышесказанному? Что я безумно хочу работать и кем-то стать? Совершенно логично, что убитая Натали будет просить любви, не так ли? Всё логично. А я ещё и пишу, между прочим. Дура – она и в Африке дура.

Он ответил:

– Язык твой – враг мой. Сначала ты лишила меня лёгкой иллюзии относительно разницы в возрасте, а вчера – цели дружбы: помочь тебе встать на ноги. Оказалось, что тебе это не нужно... Оказалось, что мои усилия в этом были не нужны... Ничего не осталось... ЖАЛЬ.

Я закрываю лицо руками. Я ничего не хочу знать. Я хочу

умереть. Не для того, чтобы уйти навсегда, а для того, чтобы «воскреснуть». И чтобы не было этих гадких опытов, этого гнусного очкарика «Воланда», чтобы всё было сном. Старый гнусный блядун-ботаник!

Прошла неделя, и я заскучала. Пишу ему:

– Я – полный антипод твоей жены. Он отвечает:

За это и любим...

Вау... Это прям ласка, что ли? – издеваюсь я.

– Не знаю. Я боюсь последствий... – как грустно отвечает он, даже по буквам вижу я. – Я стих тебе написал:

Полячки-болячки

Пойду я в ад – припомнится болячка. Очаровав, меня похитила полячка. Её родня у Бульбы сына увели. Андрий в аду купается в пыли. Страдает он, он всеми там гонимый. Нет там отца, нет брата, нет любимой. Был Бог в гостях, увидел – пожалел. «Забудь её – и сразу станешь бел».

Хотел Андрий, но снова он не смог. Как прежде, он лежит в пыли дорог.

Извини, мне тяжело понять твоё творение. «Тараса Буль-

бу», что ли, вспомнил?

Да, а стих этот – это проблема выбора между предательством любви и другого (у Андрия Родиной, семьи). Когда ему пришлось выбирать, спасти от голода любимую или быть верным семье, он сделал выбор. И потом Бог, после наказания за предательство, даёт ему снова такой же выбор, правда, теперь только памяти о любимой, он не может сделать другого выбора. Перечитай повесть. Её суть – в этом выборе, и там Андрию просто пришлось выбирать, кого предать. И автор не хулит Андрея... он говорит о плохом времени, когда надо выбирать между двумя предательствами. Автор стиха тоже стоит перед выбором между предательствами...

Спасибо. Последствий не бойся. Их не будет. В моей книжке никто тебя не узнает – ты за это платишь. Ты умрёшь, как тебе и положено, в 95 лет, я буду тобой пользоваться, пока ты сам этого хочешь... Когда тебя не станет, мне будет очень грустно, и я иногда, раз в год, буду приносить тебе цветы, точно как живому. А ты там будешь лежать и думать: «Блиин, а какая у меня всё-таки прекрасная жизнь, потому что ты рядом, пусть даже с этим веником и своими дурацкими книжками!» И твоих медведей я тебе на памятник поставлю, чтобы чуть-чуть привнести смуту в веру, что ты был верный семьянин. Ха-ха!

И я его простила, но загуляла.

Я тебе изменила, Ломо...

Что, типа любовь?

Да, типа души...

Ну давай, валяй... Ври мне свою сказку.

Это не сказка... Его звали Даниель.

Писатель, или История О

Часть первая Лиза

Его звали Данил, она звала его на французский манер – Даниель. Он был писателем, месяцами мог не выходить из их съёмной маленькой квартиры, где создал свой сказочный мир. Он много путешествовал по странам, привозил оттуда камешки, песок, шляпы и прочие романтические безделушки. Он любил вместо кофе пить холодное шампанское по утрам, закуривать вишнёвую сигариллу и слушать, как капли дождя бьются об асфальт. Он специально выбрал первый этаж, чтобы в открытое окно слушать тот мир, такой другой и суетливый, мир столичного мегаполиса. Интроверт по натуре, он жил своей внутренней жизнью, которая была только его и приобретала только те краски, какие он сам хотел. Когда он писал весёлое, он рьяно стучал клавишами и смеялся, когда грустное – плакал. Данил настолько увлекался своим творчеством, что забывал даже есть, пить и убирать постель. Это была настолько увлекающаяся натура, что порой он сам не знал, где правда, а где вымыслы его буйной фантазии. Ночами он плохо спал, в голове возникали сюжеты, герои, об-

разы, тексты сами просились на бумагу. Он, сонный, хватал ручку и быстро записывал всё, что пришло в голову, и только тогда ложился спать до утра. Утром первым делом он сел за компьютер и печатал ночные записи. Ему прочили большое будущее, и он сам в глубине души знал, что таким оно и будет. Но его это мало волновало, больше его беспокоили одиночество и вечная неудовлетворённость жизнью.

Его подруга Лиза – Лизавета, Лизонька, Лизка – жила вместе с ним пять лет. А ему казалось, что всю жизнь, что он даже родился сразу с ней в сердце. Он любил её, но какой-то своей любовью, хотел всегда сделать её другой. Он хотел видеть Леди, мисс Совершенство, но Лизка была обычной земной девушкой. Без выпендрёжа и затей. Её Лизка. Любимая земная Лизка.

По ночам Лиза укрывала писателя тёплым пледом и баюкала его на своей груди, когда он плакал или кричал во сне. Ему часто снились страшные сны. Лиза была ему как мать, сестра и друг. Он же хотел любить в ней ещё и Женщину, но Лиза упорно не хотела ей становиться. Она работала в офисе, носила исключительно джинсы и ботинки на плоской подошве, не красила своё лицо и, когда он изредка уговаривал её надеть платья, привезённые им, выглядела неуверенно и комично. Ну не умела его Лизка быть Леди, а может, просто не хотела.

Вечерами, когда она возвращалась с работы, он готовил ей еду, зажигал свечи и говорил о высоком. Лиза всегда мучи-

лась вопросом, в чём смысл её жизни, а Даниель свой смысл знал: писать, писать, писать! Даниель ругался, что она мало читает, не работает над собой, мало думает. Она отшучивалась или говорила, что устаёт и ей не до этих философских бредней.

Он любил Лизу физически до изнеможения, придумывая разные варианты любви, Лиза могла только подыграть, но никогда не предлагала свою игру. Она была фригидна. Не то чтобы ей ничего не нравилось, просто она считала это неважным, говорила, что нужно думать о душе, а секс – это всё пустое.

Даниель был сластолюбцем, и то, что Лиза не могла ему дать, угнетало его с каждым днём. Он чувствовал себя ненужным, отвергнутым, больным талантливым ребёнком. Но уйти от Лизы не мог, потому что она была для него всем. Он доверял ей, писал о ней, думал о ней.

Да, он ей изменял, но это были лишь физические измены, и даже тогда он думал о Лизе. Его любили женщины, им восхищались, называли секс-символом, но он всегда оставался холоден к их телам, а тем более – душам. Занимаясь с ними сексом, он как будто мстил Лизе за её холодность и повышал свою самооценку. Почему бог дал ему такую женщину, он не знал. Может, как наказание за свою прежнюю жизнь Дон Жуана?

Лиза собрала чемодан Даниеля, дала кучу наказов, что не забыть и так далее, и, крепко обняв, отправила его в дли-

тельную командировку. Он выпускал свою очередную книгу, которая должна была стать бестселлером.

Два месяца упорного труда и одиночества – и Даниель так заскучал по своей «ледышке» Лизе, что начал её просить писать ему длинные письма. Она отвечала, что не умеет писать, как он, но всё ж написала:

«Мой муж. У меня есть муж. Он капризный, вредный и очень красивый, потому что он писатель.

Мы вместе уже пять лет. А может, и всю жизнь. Такое ощущение, что я сразу родилась с ним в сердце. Его имя – Даниель.

Я очень люблю его. Это мой самый родной и дорогой человек.

Мой Данечка уже второй месяц в командировке. Он творческий человек, живёт эмоциями. Этих самых эмоций ему подчас очень не хватает.

Мы разные. Но, как говорят, противоположности притягиваются.

Мой писатель – очень интересный человек, много читает, любит придумывать разные интересные проекты. Есть одна проблема. Он одиночка в душе. А мне так хочется, чтобы он понял, что у него есть я. И я всегда буду рядом, буду поддерживать его, какой бы очередной бредовый проект ни пришёл ему в голову. Я его очень-преочень люблю. И, если надо, убью за него.

Мне тут предложили философию жизни, вернее, её смыс-

ла: надо жить сегодняшним днём и получать от этого удовольствие. А будущего может и не быть.

И всегда прошлое будет лучше будущего. А счастье – оно в настоящем.

Сегодня у Дани день его рождения. Он совсем взрослый уже. Я им очень горжусь. Для меня он – смысл жизни. Потому что смысл жизни – в самой жизни. А моя жизнь – это мой писатель. И не важно, что будет завтра. В любом случае жизнь с ним будет самым прекрасным, тем, что никогда не повторится. Я очень жду, когда мой любимый муж вернётся из командировки. Потому что люблю его и скучаю. Очень.

И пусть он ругает и злит меня, я всё равно люблю его. Вот так. И на всё остальное наплевать.

Р. S. С Днём Рождения, мой любимычка. Твоя Лиза».

Даниель читал письмо Лизы, и что-то его насторожило в нём. Что за философия какая-то звучит у Лизы? Откуда? Лиза никогда не любила философствовать и вдруг нашла всё-таки смысл жизни, и он, оказывается, в нём, в Даниеле. Даниель был рад, и в то же время его творческое чутьё не давало ему покоя. С Лизой что-то происходило. Но что?

Даниель не хотел думать о плохом, он мечтал о том, что скоро заработает много денег, купит Лизе большой дом и даже найдёт дорогого врача, чтобы вылечить Лизу от фригидности. Да и к чёрту эту фригидность, живут же с ней женщины, что прикопался, в самом деле? Лиза же его любит. И он это знает.

Через несколько дней пришло совсем другое письмо от Лизы:

«Привет, Даниель, я не знаю, что происходит. Не могу тебя понять. Я уже свыклась с одной ролью... Ты уехал – и что-то изменилось. Нельзя так надолго расставаться... В общем, я чувствую, что ты от меня чего-то ждёшь, но я не могу или что-то мешает мне это дать. Только относись к моим словам по-взрослому.

Я одно скажу: всё зависит от тебя, я тебя очень люблю и хочу быть рядом. На данный момент, мне кажется, для нас лучше определить некий иной уровень общения... Стать друзьями, что ли, или что-то вроде того. Мне кажется, что в этом качестве мы друг другу больше пользы принесём... Как-то так. Только не суди строго, может, я не оправдаю твоих ожиданий, но какая-то свобода мне нужна. Я хотела когда-то жить только тобой и продолжаю это делать в какой-то мере, но что-то во мне сломалось... Не говорю, что ты виноват на 100 %, но от тебя тоже что-то зависело. Пишу по пьяной лавочке, так что могу и передумать, не суди строго. Ты не со мной, а с кем-то. Я не ревную. Но последнее время мне не хватало тебя. И не важно, что ты обо мне мало знаешь. Мало кто обо мне что-то знает. Да и вообще, ты меня на самом деле не знаешь, потому что я очень скрытный человек. По этим всем причинам мне сложно определить свой путь дальше. Но одно знай: я хочу быть рядом, и я тебя очень люблю. Ты самый близкий и родной для меня человек. Вот

так. Ты сам хотел какое-то письмо. Вот и написала».

Он в ужасе читал это новое письмо. Два письма разделяла лишь неделя, но они такие РАЗНЫЕ. То он любимый муж, а то – друг-товарищ. Он не мог поверить собственным глазам.

Даниель летел назад, в их с Лизой дом, с надеждой, что всё это ничего не значит, Лиза пошутила. Лиза встретила его хорошо, бросилась на шею и долго вдыхала запах Даниеля:

– Такой родной! – задыхалась она на груди писателя. И на это время он забыл обо всём, ничто его не тревожило.

Из его дневника: «Мир фантазий манит меня, обнимает за плечи, завораживает, смеясь мне в лицо красивым белозубым ртом. Вы скажете, что это бред?! Да, отчасти, но послушайте, разве вы никогда не фантазировали ни о ком или ни о чём? Быть может, действительно нет, просто смирились с банальностью жизни и суровым реализмом и так и живёте. Как все. Как надо. Как положено. Кем и когда „положено“, неизвестно...

Эти мысли мне пришли сегодня, когда я сидел у открытого настежь балкона с листком в руках. Что-то, кажется, накипело внутри, надо снять эту накипь. А то тяжело как-то. Начинаю этот рассказ.

Воздух подмочен лёгким дождём, вот мне бы сейчас танцевать под ним с тобой! Но никто не поймёт, да и тебя уже у меня нет.

Если кто-то вам скажет, что любовь живёт три года, то я скажу: „Нет. Любовь живёт всегда, если она у вас была“. И

страсть тоже живёт у тех, кто умеет её хранить. Но для страсти, наверно, всё-таки нужен огонь, поэтому иногда мы кладем на любовь большой х... и тупо злим человека, который нам дорог, чтобы вызвать ту самую животную похоть, которую именуют страстью. Лизу возбуждает, когда я её злю такими методами. Иногда я увлекаюсь настолько, что уже начинаю не играть, а жить. И, конечно, на время забываю о Лизе. Я же, наоборот, очень тяжело переживаю даже малейший намёк на то, что кто-то может заменить меня хоть на секунду. Ревность меня убивает и ломает во мне мою самооценку. Я не хочу никого видеть и слышать, мне хочется спрятаться от всего мира в какой-то маленький уголок и тихо там умереть. Это болезненное самолюбие. Я даже не могу определить, высокая самооценка так срабатывает или низкая. Лиза знает об этом, поэтому не шутит так со мной, ей хватает моего „драйва“. А у меня этого драйва столько, что иногда начинает подташнивать от собственной энергии, особенно сексуальной. Дай мне волю, я буду как машинка-автомат, сексуальный агрегат, пахать и пахать...

У меня был „косяк“ перед Лизой, я на два года „уходил в себя“, не обращал на неё внимания как на девушку. Да, я признаю, это было, и знаю, почему: Лиза набрала вес. Я оказался свиньёй и не смог это пережить. Я ведь влюбился в Лизу, именно за её какую-то корявообразность, нервность, лёгкость, и я не смог принять эротически новый образ упитанной женщины.

У меня дурное предчувствие. Сегодня я еду с Лизой на её корпоратив. Всё моё нутро как-то сопротивлялось этому мероприятию, но я так давно не видел свою Лизку – целых два месяца разлуки! – что готов пойти за ней на край света. Соскучился, как собака. Я не люблю сборища людей, мне не знакома работа в коллективе, любые корпорации вызывают во мне откровенную изжогу.

В указанное время я захожу в офис компании, где работает моя Лиза. Обо мне, конечно, много наслышаны, но не видели. Знают, что я писатель и что отличаюсь каким-то непонятным им образом жизни и складом ума. Знают, что Лиза сразу после работы всегда бежит домой, потому что быть с писателем интереснее, чем гулять с сотрудниками после работы. Ещё знают, что писатель этот часто забирает Лизу к морю, потому что ему, видишь ли, нужны вдохновение и отдых.

Я вхожу. Вижу, как сворачиваются головы женщин и даже мужчин. Я – эдакий гламурный подонок, сотканный из свободы и эгоцентризма.

Сажусь за стол, за которым работает Лиза. На нём – смешная кружка с моей наглой мордой и пакетики с вкусным чаем. Лиза любит фруктовый чай. Ещё у неё лежат всякие печеньки в красивых коробочках. Копаясь в Лизином уголке, я совсем забыл осмотреть людей, работающих тут же. Отрываюсь от увлекательного занятия – осмотра Лизиного рабочего места – и знакомлюсь с ними. Люди как люди, только

какие-то обычные, а может, я просто слишком много жил в своём придуманном, только нашем с Лизой фантастическом мире?

Наконец я сажусь в машину одного из сотрудников. Лиза почему-то садится на переднее сидение с водителем, а не сзади, со мной. „Значит, так надо“, – думаю я, но немного удивляюсь. Прислушиваюсь к разговору этого парня с Лизой. Убедившись, что там нет ничего фривольного, даже заскучал. Ехать долго, а на улице весна, солнце и миллионы гормонов витают в воздухе. Здорово! Над своей головой я вижу закрытый люк машины. Как здорово, тут есть люк! Я прошу его открыть и высовываюсь из него! Около часа я, как сумасшедший, торчу в нём и на ходу собираю лицом тёплые капельки майского дождя. Я так счастлив в этот момент, что даже забываю своё дурное предчувствие. Лиза ругается из-за того, что я могу простыть, я, как всегда, талантливо отбрёхиваюсь.

Мы прибываем в тот дом отдыха, где будет происходить двухдневное единение семей сотрудников коллектива, сплочение тем самым компании и повышение трудоспособности работников. Нам выдают ключи от номеров, и мы расселяемся. В номере Лиза аккуратно раскладывает свои вещи, я же бросаю свой чемодан и плотоядно смотрю на Лизу.

Дань, ты чего? – устало улыбается она.

Я, Лизка, соскучился!

Да неужели?.. Ты ли это? – почему-то грустно говорит она.

Я, Лизка, я!

– Пошли к остальным, – говорит Лиза и закрывает дверь номера. „Как всё странно, как-то всё не так“, – опять навязчивой идеей сквозит в голове. – Лиза, а почему все со мной познакомились, а директор твой – нет? – внезапно меня осеняет эта мысль. – Сейчас, Дань, будет тебе и директор.

Всё будет, Дань. Всё будет, – как-то совсем загадочно говорит Лиза.

И вправду, ко мне подходит директор со своей семьёй, пожимает руку. Он маленького роста, плотненький, брюхатенький бутузик, с коротенькими ручками и ножками, но с очень самоуверенным лицом. „Наполеончик“, – усмехаюсь я. Жена его выше головы на три и похожа на училку, высокую и статную. Они очень смешно смотрятся.

– Ну что, писатель, когда новую книжку нам презентуешь и вообще на презентацию позовёшь? – спрашивает он.

– Как только – так сразу, – улыбаюсь я.

После его рукопожатия у меня возникло странное ощущение: в нём и в выражении глаз был вызов. Но с чем это было связано, я не имел ни малейшего понятия.

Вечер с барбекю. Море алкоголя. Каждый выбрал себе собеседника и говорил о своём. Какой-то общей корпоративности не получалось. Она была только в раскладывании кусков мяса по тарелкам и изредка – в вспоминании, что надо чокнуться. Я поймал себя на мысли, что Лиза постоянно ку-

да-то убегает и мало разговаривает со мной. Почти не разговаривает. Это было так на неё непохоже.

Зайдя в свой номер, я подошёл к Лизе, когда она стояла у открытого настежь окна.

– Лиза, с тобой что-то происходит? Ты меня игнорируешь?

– Даня, я не знаю, что происходит. Тебя очень долго не было. Я не знаю, что именно произошло, но что-то произошло. Помни одно: я всегда буду тебя любить. Всегда.

Я развернул Лизу лицом к себе и долго смотрел в темноте в её глаза. В них была какая-то боль. И печаль. И тоска. И тайна.

„Я, наверное, перепил“, – подумал я. И лёг спать, всю ночь крепко держа во сне Лизу.

Утром я надел свою любимую рубашку, которая так нравилась Лизе, и мы пошли на завтрак. Я, конечно, помнил ночной разговор и искал глазами причину. И я её, кажется, нашёл. Напротив меня был директор. Я увидел его взгляд на Лизу и кожей почувствовал, как Лиза ответила тем же. Сказать, что я был в шоке, – ничего не сказать. Эх... Что же мне делать? Я никогда не был в такой ситуации. Я никогда не был так унижен и оскорблён. Моя самооценка летела просто в унитаз, и я становился всё ниже и ниже ростом, и даже, казалось, весь ссохся от одной мысли, что Лиза могла мне изменить!

Я отвёл Лизу в сторону. Посмотрел ей в глаза.

Лиза, я правильно всё понял? – спросил я.

Даня...

Лиза, я задал вопрос.

Даня, я никогда от тебя не уйду. Это просто наваждение какое-то. Лиза, ты не можешь оставаться со мной. Я так не могу.

Даня, это временно... Ну, прости меня. Я совсем запуталась. Это всё из-за тебя!

Спасибо, что сказала, Лиза. Только надо было раньше. Ты понимаешь, какая это боль? Зачем ты меня сюда взяла?

Я не могла тебе сама сказать. Я хотела, чтобы ты сам увидел и что-то сделал! Спаси меня, Даниель!

Я смотрел на свою Лизку в полном нокауте. Как спасти и кого? Её, его или себя?!

– Всё, Лиза, всё.

И я ушёл в номер. Там так нажрался, что думал, просто сохну. Дополз до балкона и наблюдал, как Лизины длинные руки играют в бадминтон с короткими жирными руками директора. Шарик, как моя душа, прыгал в их тандеме ровно и красиво. Солнечное майское утро, начало новой жизни.

Я уснул под диким количеством спиртного, потом встал и вышел во двор. Уже наступил вечер. Были танцы. Я выбрал самую некрасивую сотрудницу этой злосчастной компании и весь вечер с ней танцевал. Эта некрасивая радовалась, как дура, неожиданному счастью, а мне хотелось задушить её.

Лиза пришла в номер, когда я уже спал. Утром мы, не смотря друг на друга, сели в разные машины, зная, что вернёмся всё равно в наш общий дом.

Дома Лиза принесла мне кофе. Я вылил его на пол, демонстрируя, как последний дебил, что мне не нужны больше её подачки. Она опустилась на колени и схватила меня за ноги. Я хотел её пнуть, но не смог.

– Ты должна съехать, – сказал я.

– Мне некуда, Даниель, – тихо ответила она. – Можно, я буду с тобой?

– Как?

– Я буду уходить к нему на выходные и приходить к тебе. Ты же знаешь, что я люблю тебя больше жизни. Твои будут семьдесят процентов, его – тридцать.

– Лиза, ты дура? Господи, какие проценты?

Мне показалось, что или я сошёл с ума, или мир. Я с силой толкнул Лизу и пошёл за билетом в город К».

Часть вторая

Вера

В один из отчаянных дней беспросветного мрака и одиночества Данил, в душе так и остававшийся Даниелем Лизы, дополз до компьютера и написал объявление, как крик души, как SOS: «Ищу Любовь, Друга и Музу». В графе «О себе» написал: «Бедный писатель». Поместил фотки из лучшей жизни с Лизой. Он был там уверенный в себе, ироничный, молодой и безнадежно привлекателен красотой свободного художника, окрылённый чувствами и верой в себя. Сейчас же Даниель, смотря на себя в зеркало, видел лишь тень того ловеласа из прошлого – человека, измученного собственными мыслями, сломанной самооценкой, алкоголем, нервами и плохим сном. Резкая потеря веса углубила морщины на его некогда привлекательном лице, тень чёрными кругами легла вокруг глаз, из которых исчезла теплота и шальной огонь. Он напоминал себе побитую старую собаку или актёра-«звездуну», однажды выкинутого за порог своего же собственного театра, потому что пришла новая власть, более сильная и жестокая.

Он ввёл в поисковик одиноких девушек возраст «от 26 до 33» и разослал всем одно и то же письмо, даже не глядя на их фото. Ему было всё равно, как они выглядят, он хотел только букв, только кому-то писать. Чтобы чья-то одинокая

душа ответила ему в тон, эхом отозвалась в пустой квартире писателя.

Ответы девушек приходили почти мгновенно, он даже удивился своей сохранившейся везучести. «Всё-таки Бог любит меня», – морщился Даниель, растекаясь на крутящемся плетёном кресле. Девушки были милы в своих наивных, чаще эротических письмах. Они хотели его, не видя его вживую, не пытаясь даже слегка заглянуть в его душу. Данил не мог им этого дать, потому что он не хотел сам себя, а это для него всегда было самое главное. Он пытался поговорить с ними об их интересах, увлечениях, мечтах... Но в ответ получал: «Ты, наверное, не настоящий, раз не хочешь сразу встретиться. Ты динамишь. Зачем терять время, если я прекрасна и ты мне ужасно нравишься?»

Писатель не мог рассказать им о том, что сейчас его любимые подружки – бутылка виски и табачная вонь, уже въевшаяся в его мозг. Он был жалок и противен сам себе, ничтожный, сопливый, самонадеянный мудака.

Слава богу, одна-единственная девушка не хотела с ним встречи. Она писала ему письма об озере, о какой-то траве, полях, экстремальных видах спорта; о том, что она постоянно разбивает себе то лицо, то колени и часто бывает в больнице. Её звали Вера. «Верочка», – так для себя её обозначил писатель. «Надо придумать ей новое имя, это слишком земное», – иногда думал он, но не находил пока ничего более привлекательного.

Верочка много читала, и писателю нравилось говорить с ней о прочитанных обоими книжках и о тех, которые он ещё не знал. Она умела выражать свои мысли так красиво, что иногда сам Даниель завидовал её стилю и языку. Единственным, что его немного отпугивало, стало то, что Вера была слишком открыта миру и ему, наивна и проста. Её частый восклицательный знак, письменные, чересчур эмоциональные улыбочки, постоянно задаваемые одни и те же вопросы... Она как будто уточняла что-то или проверяла предыдущие ответы на правдивость. Он сам не заметил, как стал жить её жизнью, наблюдать за её буквами, знаками, хотя никогда не видел девушку вживую. На фотографиях, которые прислала Вера, была женщина 33 лет, маленькая, хрупкая, но с большой грудью и вечно смеющимся лицом. Она никогда на этих картинках не была задумчивой или грустной, всегда только в состоянии вечного драйва. Он даже завидовал такой жизнерадостности.

«А какая всё-таки твоя любимая книга?» – однажды спросила в письме Вера. «Моя собственная», – не задумываясь, написал Даниель. «Я скромненький, не так ли?» – улыбнулся он сам себе.

Верочка ничего не ответила. Но ему показалось, что она в этот момент тоже улыбнулась экрану.

Потом Вера снова попала в больницу и оттуда написала об этом.

«Может, к тебе туда приехать?» – написал Даниель. «О,

нет, у меня сейчас такая рожа...» – ответила она. «Мне всё равно, какое у тебя сейчас лицо... – искренне ответил писатель. – Я бы привёз тебе свою книгу...» – «Нет... потом...» – ответила Вера. «Жаль...» – написал он.

Он уже хотел и готов был встретиться со своей милой незнакомкой, и ему было абсолютно всё равно, как она выглядит. Даниелю казалось, что он её уже знает, видит её глаза и даже душу.

Проходили дни. Однообразно и скучно. Даниель не выходил из дома, из окна форточки наблюдая жаркое красивое лето. Он жалел, что дни вот так бездумно пролетают и проходит ещё одно лето его жизни. Лето его молодости. Он забирался по лестнице на второй этаж своей двухэтажной кровати и весь день лежал носом в окно, наблюдая за людьми.

Потом писал грустные зарисовки и отправлял Вере, Лизе и просто незнакомым людям в какой-то надежде, что кто-то его услышит и поймёт, что вдруг чья-то душа резонирует в ответ его душе.

Несуществующему Другу.

«Привет! Знаешь, сегодня я решил весь день посвятить Окну. Ты озадаченно улыбаешься сейчас, читая это послание. Да, окну! Отдать 24 часа открытому окну, а точнее – форточке. Я лежу на своей кровати-чердаке, внизу стол и шкаф, а вверху, прямо перед моим носом, – открытая форточка. Лето, свежий воздух щекочет нос и чуть трогает мои волосы.

Утро. У меня первый этаж. Сонный дворник-таджик шуршит метлой по асфальту... Шорк-шорк... Что-то бубнит себе под нос. Наверное, про этот город надежд, столицу нашей Родины, многообещающую и так жестоко опускающую с небес на этот асфальт. Из подъезда начинают выходить надушённые барышни в офисных платьях и на высоких шпильках. Запах их духов доносится даже до моего окна. Барышни собраны, аккуратны и полны утренних сил. Потом выйдут мужчины, ещё сонные и не такие свежие. Уставшие, деловые, озабоченные вечным поиском денег и весёлого секса представители сильного пола. Ругаются, что опять этот козёл занял место его парковки. „Ну, я ему покажу!“ – красноречиво сжимается кулак. Листья деревьев спокойно, легонько переговариваются друг с другом. Мир встречает новый день.

День. Идёт дождик. Стучит каплями о карниз. Шлёп-шлёп... Мне нравится смотреть на дождь, когда я лежу под одеялом. Вспоминаю „Мастера и Маргариту“, когда Мастер узнавал Маргариту по стуку её маленьких каблучков. Он тоже жил на первом этаже, почти в подвале. И тоже имел маленькое оконце.

Девушки быстро забегают в подъезд, у них портится причёска и течёт макияж. А мне кажется, это, наоборот, очень сексуально. Мокрые женщины. Ха-ха. Сердитые мужчины спешат домой на обед, их надо кормить, а то они превращаются в голодных зверушек.

Вечер. Молодёжь пьёт пиво под моим окном. Курят и

слегка матерятся, в красках рассказывая про очередную „козу“ или очередного „козла“. Люди постарше выгуливают собак и даже жирных кошек. Что-то им говорят и говорят, как будто они что-то понимают. Мне смешно и мило на это смотреть. Какая-то парочка сильно целуется, будто хотят высосать друг из друга жизнь. Гормоны, молодость... здорово! Сейчас нацелуются и пойдут делать новых людей или искать нового партнёра. Всё в этой жизни надо успеть. И согрешить, и создать.

Ночь... Поздние, запоздалые гуляки возвращаются в свой дом. Ктото уставший и грустный, кто-то – беззаботный и с хмелем в крови. Кто-то шмыгает носом, кто-то буквально подтанцовывает на одной ноге. Ночью всё разрешено, она скроет всё под своим тёмным одеялом.

Так прошёл мой день у форточки. И я ни разу не вспомнил о тебе, хотя я, наверное, вру, потому что я написал это письмо для тебя, мой несуществующий Друг».

Вера всё-таки решилась встретиться с писателем. Он очень волновался, и ему хотелось выпить перед встречей, чтобы убрать неловкость и какой-то страх перед новым человеком. Но он собрался с мыслями и вышел в ночь под мелкий летний дождь. В метро он уже хотел было повернуть назад, но стало неловко перед Верой.

Она ждала его у метро. Он сразу узнал её. Вера стояла у большой белой машины. Её собственной. «Наверное, у неё большие амбиции», – усмехнулся Даниель её выбору сред-

ства передвижения. Верочка была всё той же хрупкой женщиной, как и на фото, слегка неловкой и вечно улыбающейся.

На ней была смешная строгая офисная юбочка в складочку и маленькие туфельки на каблук. «У неё хорошая щиколотка», – усмехнулся сам себе внутренний ловелас писателя. Когда писатель оказался с ней рядом в машине, он увидел её профиль. «Какая эротика, – замер писатель. – У неё потрясающий профиль. Чувственный». Он не видел раньше такой откровенной чувственности. Сразу вспомнился фильм «Основной инстинкт». Эх, Вера, Вера... Как же ты не вовремя со своей чувственностью, со своей красотой и дикой сексуальностью.

Вера повела его в свой любимый японский ресторан. Он шёл за её тонкими щиколотками, как на каторгу. Скорее хотелось подбодрить себя бокалом холодного белого вина, чтобы Вера не видела потерянного и безучастного фейса писателя.

– Графин белого вина, пожалуйста, – попросил он у официанта. Вера заказала суши. На какое-то мгновение он почувствовал пронзительный взгляд Веры. Он поднял глаза и прямо с вопросом уставился ей в душу. В этом взгляде было всё: вызов, интерес, одиночество. И даже какая-то вражда. Вера как будто говорила: «Кто ты? Чего ты стоишь? И знаешь ли ты про меня? Хочешь ли знать меня? И что будет?» Ответом ей был тяжёлый взгляд писателя, принима-

ющий всё, кроме себя самого. Он не боялся её, он боялся показаться не тем, кем является. То есть того, что его нынешнее жалкое подобие не является им настоящим – эгоцентричным, уверенным в своей неотразимости, почти человеком-богом. Его глаза говорили: «Да, сейчас я раздавлен и унижен, сейчас такое время, но я вылезу, слышишь, вылезу! И я не сдамся без боя. Никогда. Или мне придётся умереть!»

Он пил вино, ему становилось значительно лучше. Прохладный вечерний ветер обдувал на террасе ресторана двух одиноких, но пришедших друг к другу людей. Он тихо спрашивал Веру про её жизнь, не давая задавать вопросы самой. Она улыбалась, отвечала, слегка нервничала и даже, казалось, кокетничала.

Ну, я пошёл, – сказал он. И вышел из-за столика.

Ты не зайдёшь ко мне? – удивилась Вера.

– Нет, – скупое ответил он. И ему не понравился этот вопрос. – Ах, да, забыл... Я тут всё-таки принёс тебе свои книги. Прочти, если будет время...

И такси унесло его в ночь. В бездну, где пропадают люди до утра.

Он не думал о том, встретится ли с ней снова, он просто хотел, чтобы она прочитала его роман. Без этого дальнейшее общение для него было невозможным.

Прошёл день. И он получил письмо от Веры:

«Доброе утро, Даниель... Знаешь, решила написать тебе.

Вчера ты сказал, что многие отворачиваются от тебя после прочтения книги. Я много думала об этом. И, знаешь, наверное, жаль этих людей, а не тебя... Мне понравилась книга... Если бы я не дала себе установку НЕ ВЛЮБЛЯТЬСЯ, то влюбилась бы...

Я тебя теперь хорошо знаю... Таким тебя и представляла, только ошиблась в одном: думала, что ты злее. А ты... ПЕЛЬМЕНЬ добрый».

«Добрый пельмень, ага, – усмехнулся письму писатель. – Вера, Вера... Как ты чиста и наивна».

Она звала в гости. «Ну, раз прочитала книгу, я должен идти», – подумал он. И стал собираться.

Вера встретила его домашняя, и ей явно хотелось говорить. Он сидел, курил свою вишнёвую трубку и был благодарен Вере за то, что она не лезет к нему в душу и не обращает внимания на его отрешённость.

– Знаешь, Вера, – как матери, вдруг пожаловался он, – у меня нога стала болеть от нервов, там такой большой дырь.

– Покажи.

– Вот... – и Даниель спокойно, как перед врачом, снял брюки. Вера неожиданно опустилась на колени и долго-долго смотрела, а потом поцеловала губами именно эту болячку! Даниель дёрнулся от неожиданности и отчаяния. «Я не хочу, не хочу, чтобы меня жалели!!! – кричало всё его суще-

ство. – Я ещё живой, я ещё живой!»

– Тихо, тихо... – почувствовав что-то, прошептала Вера... – Всё хорошо, я тебя не обижу... Слышишь, не обижу! «Дерьмо, – подумал Даниель, – какое дерьмо, даже эта почти незнакомка раскусила, что я не в форме. Что я сейчас полное ничтожество».

Он допил всё спиртное, что находилось в доме Веры, и позволил Вере сделать с ним всё, что она могла на сегодня. Он ничего не хотел помнить из этого вечера, но отчётливо выстреливали в мозгу его собственные слова: «Мама, мама, мама!»

«Я не вернусь больше в этот дом», – сказал он сам себе.

Да, он сдержал обещание, данное самому себе, и больше не поехал в дом Веры. Но Вера очень хотела увидеть, как живёт Даниель. И очень просилась приехать к нему. Писатель долго думал и, наконец, решился по простой причине: если не она, то кто спасёт его от отчаяния и одиночества? Хотя бы на вечер.

Он смотрел в окно своей берлоги, как большая белая машина припарковалась прямо у его окна. Вера не видела его, а он видел её. Она вышла из машины в белом плаще, на тонких каблуках и с большим пакетом продуктов. Она была довольна сама собой и чему-то улыбалась. «Кормить меня приехала, – подумал писатель. – Тоже мне, кормилица, – зло огрызнулся он своим мыслям.

Верочку не смутила некомфортность его берлоги, или она сделала вид, что её всё устраивает. Она много разговаривала, смеялась, а он смотрел на неё, как на говорящую картинку. Она ему нравилась. Потом она шептала: «Расслабься, ты напряжён... Ну пожалуйста, расслабься...» Знала бы милая Верочка, что было бы, если бы Даниель расслабился и выпустил наружу то, что творилась у него внутри. Утром Верочка уехала.

Как только дверь закрылась, Даниель наконец-то расслабился! Позвал малознакомого приятеля и стал глушить водку. Просто так, как воду, пока не пошла кровь из носа. Он понимал, что это, наверное, его конец. И они с приятелем решили попытаться счастья и позвать на помощь Лизу. Лиза, на удивление, в этот раз среагировала и быстро приехала. Увидев Лизу, Даниель собрал волю в кулак, залез на стул и стал говорить речь. Громкую, горькую, безнадёжную речь, полную душевной боли. Лиза сидела спокойно на стульчике напротив и молча терпела весь этот балаган. Потом, еле утащив Даниеля в кровать, она села с приятелем на кухне и о чём-то разговаривала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.